

Денис Ермолин

Приштина как разделенный город

9 ноября 1989 г. начался демонтаж Берлинской стены, что должно было стать первым символическим шагом на пути воссоединения не только городского пространства Берлина, но и Германии в целом. С момента сноса самого тиражируемого образа Холодной войны прошло без малого 25 лет, однако и сейчас не приходится говорить о том, что ФРГ и ГДР пережили историческую травму и преодолели барьеры, обусловленные различиями в экономическом, политическом и социальном развитии двух Германий, существовавшими на протяжении почти полувека. До некоторой степени восток до сих пор остается дотационным регионом и проигрывает в уровне качества жизни [Процесс воссоединения 2014], да и на западе страны все еще сохраняется предвзятое отношение к «восточным» немцам — известно, что после воссоединения многие из них если и не потеряли работу, то были смещены с руководящих постов¹. Пространство Берлина также сохраняет следы бывшего разделения — не только в физическом смысле (мемориалы и музеи, посвященные Стене), но и в смысле ментальном: мои знакомые берлинцы, сообщая о месте своего жительства, непременно упоминают и соответствующую зону, отнюдь не имея в виду исключительно географическое положение.

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
denis.ermolin@gmail.com

¹ См., например, наблюдения над немецким обществом после воссоединения Германии в популярной книге эмигранта из России А. Томчина «Германия и немцы. О чем молчат путеводители»: [Томчин 2013: 190–195].

В научной и публицистической литературе Берлин 1945–1989 гг. описывается в качестве *разделенного города* (a divided city) [Elkins, Elkins, Hofmeister 1988; Burgan 2008: 8–30; Broadbent, Nake 2012]. Однако, по моему мнению, с этим определением можно согласиться, рассматривая город исключительно в ретроспективе, с позиции прежнего и сегодняшнего единства Берлина (т.е. понимая разделение как *результат*) [Borneman 1991: 174–199], поскольку в тот период как *de jure*, так и *de facto* существовало два города в составе двух разных государств в условиях практически абсолютной изоляции. Вместе с тем случай разделения единого городского пространства между разными государственными и политическими образованиями, как это случилось с Берлином, отнюдь не уникален — достаточно вспомнить сохраняющееся до сих пор противостояние палестинцев и израильтян в Иерусалиме. В ходе последней войны в Боснии и Герцеговине был образован город Восточно-Сараево (Восточное Сараево), который в настоящее время входит в состав Республики Сербской¹. Известен пример разделения города Гориция / Горица между Италией и Югославией (1947 г.). Так или иначе, во всех приведенных примерах разделение городского пространства сопровождалось проведением новых государственных границ, как правило, в ходе или в итоге вооруженных конфликтов.

Другая форма разделения городского пространства² является результатом расовой сегрегации и/или взаимной изоляции различных групп населения по этническому и/или конфессиональному признаку. В таком случае в городе образуются особые этнически и конфессионально гомогенные кварталы, имеющие строго установленные и постоянно поддерживаемые границы. Крайней формой подобной сегрегации является геттоизация (например, еврейские гетто в средневековой Венеции, в оккупированных фашистами Варшаве, Минске, Львове). Так, в разные исторические периоды и в некоторой степени до сих пор на этнические кварталы разделены города ЮАР (Йоханнесбург, Кейптаун), Канады (Монреаль), США (Вашингтон, Чикаго, Балтимор, Кливленд, Филадельфия) и других стран [Goode, Schneider 1994; Simon 2006; Roshan Samara 2011]. Поскольку городское пространство поддается планированию и реорганизации, при реализации подобных проектов необходимо учитывать специфику расовой, этнической, конфессиональной, социальной и даже политической ситуации,

¹ Республика Сербская (не путать с Республикой Сербия!) — государственное образование, входящее, наряду с Федерацией Боснии и Герцеговины и Округа Брчко, в состав союзного государства Боснии и Герцеговины.

² Подробнее о формах разделения городского пространства см.: [Gaffikin, Morrissey 2011: 19–20].

особенно если речь идет о разделенных городах. В противном случае существует угроза обострения напряженности и противостояния между двумя или несколькими сообществами не только на идеологическом и ментальном, но и на пространственном уровне [Gaffikin, Morrissey 2011: 15–18, 141–252].

В результате вспышек этнического национализма и эскалации вооруженных конфликтов, приведших в конечном итоге к полной дезинтеграции Югославии, на территории бывших республик СФРЮ образовался ряд разделенных городов [Shaw 2003: 7–11]. Среди них — уже упоминавшиеся Сараево и Источно-Сараево, населенные боснийскими мусульманами и сербами соответственно: между двумя частями города проходит граница, отделяющая Республику Сербскую от Федерации Боснии и Герцеговины (см. сноску 1 на странице 43). Город Мостар (Босния и Герцеговина) также состоит из двух частей, разделенных рекой Неретва, два берега которой до войны в Боснии соединялись Старым Мостом (построен турками-османами в 1566 г.). Взорванный хорватскими вооруженными подразделениями во время войны в Боснии в 1993 г. мост был восстановлен лишь в 2004 г., что символизировало возврат к мирной жизни, однако по настоящее время по одну сторону моста живут хорваты, а по другую — боснийские мусульмане [Naegele 2000]. Пожалуй, самым печально известным из разделенных городов на Балканах является Косовска-Митровица (частично признанная Республика Косово / Сербия). Расположенный по обоим берегам реки Ибар, город состоит из двух частей: в южной проживают исключительно албанцы, а в северной — сербы. Время от времени город становится площадкой для взаимных провокаций и вспышек национализма, поскольку севернее реки Ибар расположены четыре округа с сербским населением: Косовска-Митровица (частично), Лепосавич, Звечан и Зубин Поток, ситуация в которых не контролируется властями частично признанной Республики Косово.

Во всех трех случаях между частями разделенных городов проходит граница, что хотя бы до некоторой степени обеспечивает внутреннюю безопасность и стабилизирует ситуацию. Если же проведение границы по каким-либо причинам невозможно, вполне ожидаемо происходят процессы гомогенизации населения путем выдавливания этнических или конфессиональных групп, находящихся в меньшинстве. Люди вынуждены покидать прежнее место жительства и переезжать на территорию, где декларация их этнической или конфессиональной идентичности не представляет угрозу для жизни. Показательным примером в данном случае может служить город Призрен (частично признанная Республика Косово / Сербия), на протяжении многих веков отличавшийся исключительно пестрым

этноконфессиональным составом населения (албанцы, арумыны, бошняки, гораны, сербы, турки, цыгане и др.). В ходе войны в Косово в течение 1999 г., а также в результате погромов сербских кварталов в марте 2004 г. произошел массовый отток сербского населения из Призрена на территорию Сербии.

Выше я привел примеры городов, разделенных пространственно, т.е. обнаруживающих некую административную и/или физическую границу (зачастую такой границей служит река), однако в данной статье я бы хотел привлечь внимание читателей к обсуждению проблемы городов, разделенных ментально. М. Саркар на примере Калькутты показывает, каким образом происходит деление социального пространства и выстраивание «невидимой границы» (*imagery line*) между мусульманами и индуистами в рамках одного города [Sarkar 2006]. Автор приходит к выводу, что установленная граница между двумя сообществами поддерживается, с одной стороны, существующими стереотипами («мусульмане менее развиты и более консервативны, потому что они принадлежат к более низкой касте»), а с другой — повседневными практиками (прежде всего, намазом у мусульман), что находит выражение и в различных формах репрезентации одних и тех же событий в коллективной памяти сообществ [Sarkar 2006: 149–151, 167–168]. Корреляция повседневных практик, стереотипов и идентичностей представляется крайне важной, поскольку повседневность строго привязана к тем пространственно-временным характеристикам, при которых эти практики реализуются, воспроизводятся и впоследствии закрепляются в памяти сообщества.

Исследования последних лет убедительно показывают, что изучение пространственности (*spatiality*) как онтологической категории [Merriman et al. 2012: 4–6] может быть полезно в качестве инструмента при аналитическом осмыслении этносоциальной напряженности и потенциальных конфликтов [Abu-Lughod 2007; Janev 2011]. Американский социолог Дж. Абу-Лугод в своей монографии демонстрирует, каким образом городское пространство Чикаго, Нью-Йорка и Лос-Анджелеса становится вписанным в протестное движение чернокожего населения США, во многом структурируя волны недовольства и протестные акции [Abu-Lughod 2007: 6–27]. В своей статье, посвященной столице Македонии¹ — городу Скопье, Г. Янев рассматривает старый рынок (*чаршия*) с его повседневными практиками в качестве пространства, которое участвует в противодействии установлению этнократического режима в Македонии [Janev 2011: 3–8].

¹ Официальное название страны — Бывшая Югославская Республика Македония.

Итак, целью данной статьи является поиск ответа на следующие вопросы. Каким образом трансформация городского пространства используется для формирования и поддержания идеологического дискурса? Как повседневные практики коррелируют с существующей социальной (этнической, экономической, политической) ситуацией и устанавливают границы между различными сообществами внутри формально цельного городского пространства?

В качестве гипотезы исследования выступает идея о том, что в результате крупномасштабной реорганизации городского пространства Приштины в югославский период (1951–1985 гг.) город приобрел характер разделенного, каковым остается до сих пор. Данное разделение служило дополнительным фактором, способствовавшим этнической напряженности между сербами и албанцами, которая в конечном счете привела к массовым акциям протеста, а впоследствии и к войне в Косово. Иными словами, я попытаюсь осветить преломление этносоциального конфликта в пространстве города, которое выступает одновременно в качестве причины нарастающей напряженности и ее следствия, в итоге становясь полем брани за историю и память между противоборствующими сообществами с определенной идеологией.

Данные для анализа были получены в ходе нескольких экспедиций в Приштину (2010, 2011, 2012, 2013 гг. и 2014 г. — дважды). Полевая работа включала наблюдение за повседневными практиками горожан, беседы с жителями отдельных кварталов (в форме неструктурированного и полуструктурированного интервью), встречи с представителями городской администрации, архитекторами, историками. Важные сведения о перцепции пространства Приштины были получены от бывших жителей-сербов, которые покинули город в 1998–1999 гг. и в настоящее время проживают в Сербии (Белград, Ниш), иногда приезжая в родной город¹. Помимо этого в период с 2010 по 2014 г. мне удалось поработать с документами по истории развития города и урбанистическими планами (1947–2007), хранящимися в Государственном архиве Косово, Архиве Коммуны Приштину, Отделении по урбанизму и проектированию Коммуны Приштину, Отделении по защите памятников Коммуны Приштину. Источником информации о происходивших в городе событиях стала газета «Рилиндья» (алб. *Rilindja*, досл. 'Возрождение') — самое старое периодическое издание на албанском языке в Югославии, выходившее в период с 1945 по

¹ Интервью были записаны во время приезда бывших приштинцев из Белграда и Ниша на престольный праздник церкви Св. Николы в Приштине (22 мая 2014 г.), а также экспедиционной поездки в г. Ниш в сентябре 2014 г.

1990 г. и с 1999 по 2002 г. (сначала два раза в неделю, с 1958 г. — ежедневно).

Необходимо, однако, сделать важное методологическое замечание: в данном исследовании я рассматриваю Приштину и отдельные ее части в качестве «места-нарратива» (narrative space), т.е. социального конструкта, основанного на нарративах о прошлом, настоящем и будущем в рамках конкретного физического пространства, испытывающего влияние как со стороны политической, культурной и экономической элиты, так и со стороны рядовых горожан [Janev 2011: 6–8]. Именно поэтому меня в большей степени интересовало то, каким образом представляют Приштину в разные моменты истории ее жители — прежние и нынешние, профессионалы в области урбанистики и обыватели, албанцы и сербы. Анализ этих нарративов с одновременным наблюдением за повседневной жизнью города и экскурсом в его «официальное» прошлое позволили мне сделать набросок Приштины — скорее жанровый, чем портретный.

Приштина и модель балканского города

Стоит сразу сказать, что Приштина не так часто удостоивалась пристального внимания историков, искусствоведов и путешественников, оставляющих заметки и описания после посещения того или иного места. Именно поэтому о Приштине в XIX в., а тем более об истории города в средние века известно крайне мало. На территории в окрестностях современной Приштины люди обосновались как минимум в V–III тыс. до н.э. (археологическая культура Винча) [Косово 1973: 69–85], однако на данном месте город под современным названием известен лишь с XIII–XIV вв., когда он находился в составе средневекового сербского государства, а с 1455 г. Приштина попадает под власть турок-османов [Косово 1973: 461–463]. В XV в. Приштина была довольно важным экономическим центром (благодаря близости к рудодобывающему региону Ново Брдо): в городе помимо многочисленных местных ремесленных производств располагались торговые представительства Рагузы (Дубровника), Сплита и Задара [Malcolm 2002: 86].

В первые десятилетия XVI в. значимость Приштины в регионе стремительно падает [Нушић 1986: 188]. С этого момента, будучи уездным городком, хотя и находящимся на перекрестке торговых путей, Приштина оставалась в тени куда более важных и превосходящих ее по размеру Призрена, Скопье и Ниша [Malcolm 2002: 6–8]. В 1660 г. Приштину посетил знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби. Он оставил описание центральной части города, упомянув, что в Приштине

был базар, хамам, 11 постоянных дворов, 6 соборных мечетей, прекрасные виноградные сады и около 300 торговых лавок; город насчитывал 2040 домов [Dankoff, Elsie 2000: 21–23]. Австрийский географ французского происхождения А. Буэ во время своей экспедиции по европейской Турции посетил Косово в 1836–1838 гг. В качестве основных достопримечательностей Приштины Буэ отмечает Часовую башню, 12 мечетей и конак (дворец) османского паши с гаремом. Количество жителей путешественник оценил в 7–9 тыс., среди которых «приличное число православных сербов и албанцев, а также наполовину потурченных сербов»; со ссылкой на господина Юришича, Буэ говорит о 3 тыс. домов, треть из которых принадлежит сербам [Boué 1854: 202–203]. Австрийский дипломат и филолог Й.-Г. фон Хан в своем описании делает акцент на стратегическую значимость и военный потенциал города [Hahn 1868: 128]. По данным сербского консула Б. Нушича, еще в начале XX в. население Приштины составляло не более 12 тыс. чел., а в этноконфессиональном отношении картина была следующей: в городе существовало 3170 турецких и албанских, 420 сербских, 100 цыганских, 50 еврейских и 10–15 влашских домов [Нушић 1986: 192]. Эти сведения подтверждаются и османскими источниками [Frashëri 1984: 134–135]. Важно отметить, что в тот период использовавшаяся формулировка «турок» не была маркирована сугубо этнически, а в городах и вовсе представляла социокультурную характеристику: под «турками» в городах Османской империи мы должны понимать коренных горожан мусульманского вероисповедания, для которых турецкий язык обладал высоким социальным статусом и престижем, а принадлежность к османской культуре была неотъемлемой частью идентичности безотносительно этнического происхождения¹. По словам моих информантов, умение изъясняться по-турецки было неотъемлемым требованием, предъявлявшимся к коренному жителю Приштины (алб. *prishtinali*, серб. *приштевац*) вплоть до конца 1980-х гг.

Структура города, не менявшаяся, видимо, на протяжении нескольких веков, подверглась трансформации лишь после Второй мировой войны. До этого времени Приштина была прекрасным примером так называемого *балканского города*², разделенного на четыре основных сектора (серб. *Топхания* / алб.

¹ Объяснением данному феномену, безусловно, служит система *миллетов*, классифицировавшая все население Османской империи по религиозному принципу.

² Под балканским городом здесь понимается, прежде всего, османский урбанистический центр, состоящий из центральной части (базара *чаршии*) и нескольких прилегающих к нему кварталов (*махала*). Подробнее о характеристиках балканского города и населенных пунктов других типов на Балканах см.: [Тодоров 1972; Соболев 2013: 110–134].

Tophane, Varosh / Varosh, Локач / Llucaq, Четири Луле / Katër Lullet) двумя основными магистралями, одной из которых был Диван-Йол (тур. *Divan Yol*, досл. ‘Улица, ведущая к зданию Совета’) — главная улица до середины XX в. Историческое ядро Приштины составляли торгово-ремесленные ряды — *чаршия* (от тур. *çarşı* ‘рынок, базар’), а сам город состоял из дюжины кварталов (так называемых *махала*)¹, что отражало общепалканские механизмы конфессионального, языкового, этнического, профессионального и социокультурного разделения горожан на различные группы². В самом центре чаршии располагались жилые дома и магазины, которые принадлежали в основном зажиточным еврейским семьям; на территории чаршии находилась синагога — ныне на ее месте возвышаются административные здания. Не составляя значимого в численном отношении сообщества Приштины, евреи (алб. *ja(h)udi*, серб. *jevrej*) были, по-видимому, весьма состоятельной и влиятельной группой горожан³ [Тодић-Вулићевић 1999: 105–108]. Еврейская община Приштины, как и общины других городов (Печи / Пейи, Джаковицы / Джаковы), не пережила Вторую мировую войну, и после освобождения Приштины от оккупации в 1944 г. число евреев в городе едва превышало два-три десятка [Namani 2007: 103–109]. В черте города до настоящего времени сохранились два еврейских кладбища.

Другой влиятельной группой горожан были турки (см. выше), которые обеспечили себе власть и благосостояние еще во времена Османской империи⁴. Сама чаршия была разделена на небольшие кварталы, некоторые из них носили имена проживавших там турецких семей. Так, по сегодняшний день в качестве референции по отношению к определенному месту в центре города местные жители используют названия, образованные от фамилий (например, *Hundozi* и *Zulufi*), — хотя ни домов, ни людей, их населявших, на этом месте уже нет. Еще одна часть старого базара, сохранившаяся до сих пор, носит имя *Të Plepat* (алб., досл. ‘У тополей’) — несложно догадаться, почему. Однако данный локальный топоним, вероятно, восходит к 1920–1930-м гг.: по воспоминаниям местных жителей, первые тополя в городе были посажены в честь посещения

¹ Квартал балканского города или села называется *махала* (от тур. *mahalle*). Термин вошел в употребление вследствие османского административно-политического и социально-культурного влияния. В случае села махала, как правило, населена представителями одной семьи или рода.

² О поквартальном делении Приштины в начале XX в. см.: [Нушић 1986: 193–194].

³ См. обзорные работы о евреях на территории Косово: [Prinčević 1985; 1988; Namani 2007].

⁴ Здесь выделялось также несколько классов зажиточных горожан: *спахи* (дворянское сословие Османской империи), *ага* (крупные военачальники), *беи* (военные или гражданские титулованные администраторы).

Приштины королем Александром I Карагеоргиевичем¹ и его супругой королевой Марией в 1927 г. [Тодић-Вулићевић 1999: 93, 116].

Именно в этот период в Приштине начинают реализовываться первые проекты по преобразованию культурного ландшафта балканского города: в 1927 г. строится отель «Унион» в стиле эклектики (впоследствии в разные периоды носил названия «Национал», «Нова Југославија», “Skander Beg”); в 1928 г. проведено электричество и город получил уличное освещение, появились первые киносалоны [Тодић-Вулићевић 1999: 24, 28]. Однако, как уже было сказано, основные изменения ждали Приштину после Второй мировой войны.

«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...»: Приштина в СФРЮ

Именно эту строчку из бессмертного «Интернационала» чаще всего вспоминают мои информанты, начиная повествование об истории города во второй половине XX в. Действительно, с 1953 г. в Приштине разворачивается масштабная программа по перепланировке центральной части города² — старой чаршии, которая являлась средоточием социальной и экономической жизни для всех слоев населения и одновременно служила резиденцией наиболее влиятельных семей. По воспоминаниям информантов, в 1950–1960-е гг. происходил массовый отток старого городского населения в Турцию³, а пространство старой чаршии начало подвергаться кардинальным преобразованиям.

Основной задачей, поставленной перед градостроителями в тот период, являлось создание комфортных условий для работы и жизни югославской партийной и профсоюзной верхушки, обосновавшейся в центре города. В качестве главной была выбрана бывшая улица Короля Александра, получившая после перепланировки и тотальной реконструкции новое имя в честь маршала Тито. Вместо одно- и двухэтажной приземистой застройки XIX — первой половины XX в. по ее обеим сторонам были выстроены современные пятиэтажные здания, в которых

¹ Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — правитель Королевства сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), Королевства Югославия (1929–1934).

² Градостроительные планы того периода (1953 и 1957 гг.) хранятся в Архиве Коммуны Приштина.

³ По всей видимости, данный отток мусульманского населения из Приштины в частности и из Югославии в целом был связан с подписанием Балканского пакта между Турцией, Югославией и Грецией (1953 г.). Косовские интеллектуалы, беседовавшие со мной, также видели в этом реализацию меморандума «Изгнание албанцев» (серб. *Isterivanje Arnauta*, 1937 г.), подготовленного югославским политиком и историком Васо Чубриловичем. Текст на английском языке см.: <http://www.trepca.net/english/2006/the_expulsion_of_the_albanians_by_vaso_cubrilovic_memorandum_in_1937.html> (просм. 21.06.2014).

размещались государственные структуры и квартиры чиновников и функционеров. Однако наиболее значимым событием того периода в идеологическом смысле стала реализация в 1961 г. проекта площади Освобождения (србхрв. *Трг Ослобођења*) с монументом «Братство и Единство»¹ (арх. Боголюб Йованович, Миодраг Печич) в качестве абсолютной доминанты. Стелообразный памятник, состоящий из трех лопастей и символизирующий единый путь сербов, албанцев и черногорцев Косово к светлому будущему, стал символом новой Приштины, и его фотографии воспроизводились в многочисленных книгах, альбомах и путеводителях по городу и краю, на почтовых открытках и другой сувенирной продукции. Семисфера площади также примечательна: стела была установлена между зданиями Краевого комитета партии и Городской коммуны — органами, обеспечивавшими идеологический и общественный порядок. По мнению моих информантов-албанцев, именно по этой причине площадь так и не стала местом встреч и проведения досуга, несмотря на планы градоначальников.

Тем не менее бывшая площадь Освобождения (ныне — площадь Адема Яшари²) до сих пор является одним из наиболее показательных примеров места-нарратива, поскольку сразу после провозглашения независимости в 2008 г. скульптурная композиция югославского периода «Скорбящие женщины» (скульптор Миодраг Живкович, 1961 г.), находящаяся у подножья стелы, была расписана местным художником-албанцем Генцом Резничич в цвета флагов государств, первыми признавших независимость Косово (Албания, Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, США, Франция, Швейцария). Таким образом, к изначальной смысловой нагрузке памятника была добавлена новая, отражающая современные политические и идеологические ориентиры.

Именно урбанистические преобразования 1950–1960-х гг. позволили сформировать облик современной Приштины — нового города для новых людей, словно появившегося в одночасье в результате освобождения от фашистской оккупации в ноябре 1944 г. Этот образ детально создавался в средствах массовой информации³ и воспроизводился в литературе о го-

¹ Братство и Единство (србхрв. *Bratstvo i jedinstvo* / *Братство и јединство*, макед. *Братство и единство*, словен. *Bratstvo in enotnost*, алб. *Bashkim dhe Vëllazërim*, венг. *Testvériség és egység*) — популярный лозунг Коммунистической партии СФРЮ.

² Адем Яшари (алб. *Adem Jashari*) — полевой командир УЧК (АОК), ставший после смерти в 1998 г. героем Косово. УЧК (АОК) — Армия освобождения Косово (*УÇК*, алб. *Ushtria Çlirimtare e Kosovës*).

³ В социалистическом Косово основными (и некоторое время единственными) печатными органами были следующие газеты: на албанском языке “Rilindja” («Возрождение»), на сербском «Јединство», на турецком “Tan” («Рассвет»).

роде [Mekuli, Ćukić 1965; 30 vjetë 1974; Prishtina 1974]. В газетах того периода подробно освещалось строительство новых жилых кварталов, больниц, школ, стадионов и гостиниц, в то время как историческое наследие (прежде всего, мечети XV–XVIII вв., хамам XV в. и городские особняки XVIII–XIX вв.), компактно сконцентрированное во фрагментарно сохранившемся старом городе, словно перестало существовать. По сути, Приштине было отказано в полноте собственной истории: для ее репрезентации были выбраны несколько объектов (археологический комплекс Ульпиана, монастырь Грачаница, памятники на Косовом Поле (местность Газиместан) с усыпальницей султана Мурата, монументом косовским героям и некоторые другие), кочевавших из одного описания города в другое. Особенно это заметно на фоне второго по величине города Косово — Призрена (алб. *Prizren / Prizreni*, серб. *Призрен / Prizren*), за которым закрепились и сохраняется до наших дней роль «города-музея».

Однако развитие Приштины имело совершенно определенный пространственный вектор: новые кварталы, состоящие из многоэтажек, застраивались веерно в направлении юга — сначала в окрестностях площади Освобождения и улицы Маршала Тито, а впоследствии удаляясь от центра (кварталы *Ulriana*, *Kodra e Diellit*, *Dardania*¹). В то же время северная часть города (включая городской рынок и сохранившиеся фрагменты старой застройки) оставалась без достаточного внимания планировщиков, что отразилось на ее внешнем облике. В отличие от многоквартирных домов на юге, построенных в соответствии с планом и населенных, как правило, приехавшими или возвратившимися в родной город после получения образования специалистами и чиновниками (как албанцами, так и сербами), северные кварталы состояли в основном из частных домов старых горожан из числа ремесленников и торговцев, а также людей (в основном албанцев), стекавшихся из близлежащих сел и строивших дома иногда даже без согласования с муниципальными властями [Нохха 2012: 213–216].

Такая разница в застройке способствовала формированию фундаментальных различий между группами людей, населявших эти кварталы. Во-первых, жизнь в квартирах многоэтажных домов в южной части города влияла на восприятие собственного пространства и трансформировала отношения внутри сообщества, что приводило к ослаблению родственных связей и укоренению нуклеарного типа семьи. В то же время

¹ Здесь и далее приводятся современные названия кварталов на албанском языке (согласно карте Приштины 2012 г., подготовленной фирмой OrGIS). Централизованная смена городских топонимов производилась в городе в 1990–1991 и 1999 гг.

на севере Приштины сохранялись кварталы с частными домами (прежде всего, кварталы Tophania, Kodra e Trimave, Medresja), в которых за высокими заборами проходила жизнь семей, объединявших 3–4 поколения, а вне этих стен продолжала существовать привычная модель социальных, этнических, экономических, профессиональных¹ отношений, характерных для балканского города. Важно еще раз подчеркнуть, что север Приштины был населен в подавляющем большинстве албанцами, традиционно сербским старожильческим кварталом в этой части города оставалась небольшая территория, тяготеющая к православной церкви Св. Николы (построена в 1830 г.).

Информанты также вспоминают, что именно в 1940–1960-е гг. меняется и социальный ландшафт Приштины: вместо переселившихся в Турцию (см. выше) и Сербию старых горожан, «людей с культурой», как называют их мои собеседники, в город стекаются люди из сельской местности, как сербы, так и албанцы (уничиж. алб. *katundar, malok*; серб. *дивљак, селяк*)²:

Менталитет жителей Приштины, Призрена и Гниляне похож. У них одни и те же обычаи, одинаковые обряды. В их основе — турецкая культура. Я люблю турецкие песни... Мы готовим ту же еду, что и в Турции. <...> На селе не так. Культура сербов, живущих в селах, отличается от культуры горожан. Все отличается, огромная разница — одежда, еда, обычаи. <...> После войны сербы, живущие в селах, стали учиться: многие приезжали в Приштину, оканчивали школу или гимназию, высшее образование получали в Белграде. Но разница между ними и нами, горожанами, сохранялась. Тяжело общались между собой, никто не хотел выходить замуж за «деревенщину», редко кто это делал. Общались с ними с каким-то пренебрежением... Я очень не любила людей из села. Они приезжали в город и приносили свои обычаи. Мой брат до сих пор их называет только «деревенщинами»... (Г.Р., жен., сербка, род. в 1945 г. в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского мой. — Д.Е.).

Сейчас нельзя однозначно сказать, где селились сербы, приезжавшие в Приштину из села (как сказано выше), албанцы же в основном строили дома в северной части города. Из бесед с информантами становится очевидно, что приштинским старожилам вне зависимости от их этнической принадлежности было проще выстраивать отношения между собой, чем между представителями одной этнической группы (будь то сербы или

¹ Имеется в виду османская система деления городских ремесленников определенных профессий на цеха-эснафы.

² Досл. *деревенщина, горец, дикарь*.

албанцы), имеющими разное происхождение (городское или сельское).

Семиотическим мостом между севером и югом Приштины была улица Маршала Тито, которая с середины 1950-х гг. стала местом для *корзо*¹ — ежевечерних прогулок горожан [Тодић-Вулићевић 1999: 56–58; Нохћа 2012: 41–43]. На корзо выходил весь город, причем, по воспоминаниям информантов, у каждой компании друзей было «свое» дерево, рядом с которым они встречались и совершали ритуальный променад. Особенно масштабными прогулки были в субботу и воскресенье вечером; по вторникам же корзо на весь день «отдавали» сельским жителям, жившим в окрестностях Приштины и посещавшим город в качестве торговцев на еженедельном рынке. Горожане вспоминают, что люди из сельской местности приезжали в Приштину в традиционной обуви из плетеной сыромятной кожи (срб. *опанци*, алб. *opingat*), а для участия в *корзо* специально переобувались в сапоги и туфли городских фасонов. Для сельских жителей *корзо* было не только способом приобщения к городской культуре, но и местом знакомства и приобретения новых деловых контактов. Мною также были получены сведения, что начиная с какого-то момента (видимо, после демонстраций албанцев в 1968 г.) корзо поделилось этнически: сербы ходили по левой стороне улицы (если смотреть на карту), а албанцы — по правой, практически не смешиваясь.

Необходимо, тем не менее, понимать, что подобный взгляд на Приштину и ее разделение на северную и южную части является до некоторой степени обобщением, поскольку, естественно, никаких установленных физических границ между этими частями не существовало. Однако, по всей видимости, мы можем говорить о культурных границах. Так, в центральной и южной частях города помимо правительственных и партийных зданий были построены Народный театр (1949), отель «Косовский Божур»² (1957–1963), корпуса Университета Приштины (с 1969), Национальная и университетская библиотека Косово (1971–1977), отель «Гранд» (1978), дворец спорта «Боро и Рамиз»³ (1977–1981), а также торговые центры,

¹ Корзо (итал. *Corso*, 'курс, движение, широкая улица') — тип пешеходной улицы в средиземноморских городах и одноименная традиция вечерних променадов.

² *Косовский Божур* (в пер. с сербохорватского 'Косовский Пион') — один из символов Косово. По легенде, после поражения христианской коалиции во главе с сербским князем Лазарем в битве с турками-османами (1389 г.) из крови убитых на Косовом Поле выросли пионы.

³ Назван в честь народных героев Югославии Боро Вукмировича (србхрв. *Боро Вукмировић*) и Рамиза Садику (алб. *Ramiz Sadiku*), сражавшихся за освобождение Косово и погибших в апреле 1943 г. Героические образы черногорца Боро и албанца Рамиза в послевоенной Югославии служили воплощением лозунга «Братство и Единство».

рестораны и кафе. В северной части таких масштабных проектов реализовано не было.

Итак, Приштина постепенно переставала быть исключительно османским городом, впустив в свои границы урбанизацию совершенно иного типа, с принципиально иным пониманием и осмыслением пространства. По мнению литовского философа Н. Милерюса, урбанизация (особенно социалистическая) сама по себе обладает колоссальными возможностями синхронизации сегментов различных пространств (так, улицы и площади, названные в честь маршала Тито, Александра Ранковича, Югославской народной армии и Освобождения, встречались по всей Югославии) и тем самым выступает в качестве рычага социального контроля [Милерюс 2008: 44–45]. Социалистическая урбанизация в Косово включалась в масштабный процесс распространения новых моральных и социальных норм (прежде всего, направленных на секуляризацию общества) среди «застывшего в средних веках» населения, повседневность которого отныне подчинялась необходимым власти сценариям: посещение библиотек, музеев, домов культуры, занятия спортом и т.д.¹ Образование также должно было выступать одним из основных проводников новой идеологии: с 1953 г. появились объединенные школы, в которых можно было выбрать параллель с соответствующим языком обучения (сербский, албанский или турецкий). Однако среднее и особенно высшее образование на албанском языке (с 1969 г.) использовалось для подогревания националистических настроений: на начальном этапе борьбы за независимость Косово именно студенчество являлось важнейшей протестной силой [Kostovicova 2005: 43–45].

Кроме этого, важной чертой городской жизни стало посещение кафе на европейский манер (србхрв. *кафић*, *локал*, алб. *kafiq*, *lokal*), в большом количестве появившихся в центральной и южной частях города, в то время как в северных кварталах предпочтение отдавалось чайным (алб. *çajtore*), посетителями которых были исключительно мужчины. Информанты 1960-х г.р. вспоминают, что в различные периоды популярностью пользовались разные места, что было связано с определенной молодежной модой. Так, в середине 1980-х гг. все тусовки проходили в кафе, которые располагались в районах, известных среди молодежи как *Të Kinemaja* (досл. с алб. ‘У кинотеатра’), *Boro e Ramizi* (по названию Дворца спорта) и *Qafa*

¹ Первые результаты не заставили себя ждать: в газете «Рилиндья» за 1951 г. регулярно публиковались статьи и заметки об акциях мусульманских женщин Косово, демонстративно снимавших платки.

(досл. с алб. ‘Шея’)¹, а с конца 1980-х до середины 1990-х гг. самыми модными считались кафе в комплексе “Kurtizi” в квартале *Dardania*.

Этнические противоречия, параллельные структуры и протекторат ООН: Приштина в 1989–2008 гг.

До 1989 г. Приштина оставалась типичным югославским городом, несмотря на то что уже в конце 1960-х гг. появились «первые ласточки» будущей этнической напряженности: 1968 и 1981 гг. были отмечены выступлениями албанской части населения края за предоставление Косово более широкой автономии и в дальнейшем статуса республики в составе СФРЮ [Мартынова 2013: 91–99]. Однако этносоциальная ситуация изменилась в корне после 1986 г., когда был опубликован меморандум Сербской Академии наук и искусств² с призывом выдвижения «сербской национальной программы» [Мартынова 2013: 100]. Данный текст помимо прочего содержал обвинение косовских албанцев в геноциде сербского народа.

Другим переломным событием в новейшей истории Косово стало выступление Слободана Милошевича в июне 1989 г. на праздновании 600-й годовщины битвы на Косовом поле. В своей речи Милошевич призывал, по сути, к подъему у сербов этнонациональных чувств³. Предложенный товарищем Слобо политический курс был поддержан на всех уровнях и повлиял на кардинальные изменения во внешнем облике городов. В 1989–1995 гг. семиосфера Приштины подверглась кардинальным преобразованиям, что было связано и с меняющейся политической ситуацией: идеалы социалистического югославизма в Сербии канули в Лету, уступив место национально-ориентированным проектам. Прежде всего, необходимо было подкрепить их новым пространственным нарративом. Именно поэтому одним из первых шагов стала централизованная смена всех городских топонимов, в результате которой, например, главная улица Маршала Тито получила название «Видовданска»⁴, а многие другие названия и адреса получили новые имена в честь исторических деятелей и лиц, связанных с сербской политикой, культурой и искусством (Царь Душан, Король Милутин, Десанка Максимович,

¹ К западу от улицы Маршала Тито. Мода на кафе в этих районах вернулась в середине 2000-х гг.

² Перевод текста на английский язык см.: <http://www.trepca.net/english/2006/serbian_memorandum_1986/serbia_memorandum_1986.html> (просм. 3.07.2014).

³ Текст на сербском языке см.: <<http://www.pecat.co.rs/2011/06/govor-slobodana-milosevica-nagazimestanu-1989-godine/>> (просм. 3.07.2014).

⁴ В честь дня Св. Вита (серб. *Видовдан*, 15 (28) июня) — именно в этот день в 1389 г. состоялась битва на Косовом Поле.

Милан Ракич и мн. др.)¹. Кроме того, в 1995–1996 гг. город обрел ряд новых монументов: на территории Университета Приштины были установлены памятники черногорскому владыке и писателю Петару Петровичу Негошу и отцу сербского литературного языка Вуку Стефановичу Караджичу, также было начато строительство православной церкви Св. Спаса, которое не завершено по сей день.

По словам моих информантов-албанцев, сербский этнонационализм буквально витал в воздухе: начиная с лета 1991 г. многие албанцы потеряли работу, счета в банках были заморожены, центральную часть города регулярно патрулировали вооруженные наряды полиции, которые при случае могли толкнуть проходящего албанца или кинуть в его адрес несколько нелицеприятных слов. Вскоре албанцам было отказано в праве на образование на родном языке²: в Университете Приштины прошли демонстрации сербских студентов в поддержку данной инициативы; одним из распространенных лозунгов той поры был *He дај му Бог оловку!* (пер. с серб. «Не дай Бог ему ручку!»). Центр Приштины стал для албанского населения местом массовых протестов и при этом транзитной зоной, которую пересекали по пути на работу и обратно. Места встреч разделились по этническому признаку: тот же комплекс “Kurrizi” был негласно поделен пополам, и каждый посетитель знал, в какое кафе ему следует идти. Бытовые контакты между сербами и албанцами были постепенно сведены до минимума.

Наконец этнические противоречия в Косово достигли апогея, вследствие чего албанцами была сформирована система параллельных структур — политических, экономических и социальных (подробнее см. в: [Kostovicova 2005: 97–120; Мартынова 2013: 99–105]). В этой ситуации поражает прежде всего то, что вопреки ужесточавшемуся контролю со стороны официальных властей албанцам удалось создать действенную схему, которая около десяти лет удовлетворяла базовые потребности (в трудоустройстве, образовании, здравоохранении) довольно большого сообщества. Это стало возможно благодаря тому, что в Косово за годы социалистических преобразований так и не был полностью воплощен в жизнь принцип «Братство и Единство» и на протяжении всего этого времени сохранялась довольно ощутимая и поддерживаемая с обеих сторон граница между сербами и албанцами³. Безусловно, часть косовских албанцев

¹ Подробнее см.: [Schwandner-Sievers 2010: 96–97].

² Подробнее см.: [Kostovicova 2005: 80–89].

³ Показателем этого служит практически полное отсутствие браков между сербами и албанцами [Мартынова 2013: 97], в то время как смешанные сербо-боснийские, сербо-македонские или сербо-

была полностью интегрирована в югославское общество: образование, спектр услуг, формы проведения досуга и места жительства этих людей вполне соответствовали тому, чем довольствовались представители прочих этнических сообществ, встроённых в государственную систему. Однако во многих городах Косово сохранялись кварталы, населённые исключительно албанцами (зачастую недавно переехавшими из сельской местности), многие из которых получали лишь базовое образование и имели преимущественно традиционный (т.е. досоциалистический) уклад жизни. В случае Приштины таковыми являлись северные районы города (все те же Kodra e Trimave, Medresja, Velania), и именно они стали надёжным оплотом для создаваемых параллельных структур: с 1991 г. за высокими стенами частных домов стали появляться первые детские сады, школы и медицинские кабинеты (их в народе стали называть *пунктами «Мать Тереза»*, алб. *pikat «Nënë Tereza»*, речь идет о НКО «Общество им. Матери Терезы», основанном в Косово в 1990 г. и существующем по сей день [Koinova 2013: 112]); был создан университет — занятия проводились в чайных, за закрытыми дверями [Kostovicova 2005: 108–112]. Поначалу вся система работала на безвозмездной основе, но уже с 1992 г. она начала предоставлять оплачиваемые рабочие места (деньги шли в основном от трудовых мигрантов-албанцев, работавших в Европе) и собирать налоги в размере 3 % на нужды параллельного правительства: в мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы.

В таком виде жизнь в Косово протекала вплоть до начала в 1996 г. вооруженного конфликта, эскалация которого привела к вмешательству международных сил и бомбардировкам Югославии союзными войсками НАТО в 1999 г. В июне того же года согласно Военно-техническому соглашению, подписанному представителями НАТО и югославской армии в Куманово, контроль над краем перешел к международным силам КФОР (KFOR), вслед за чем произошел массовый отток неалбанского населения (сербов, черногорцев, православных цыган).

С этого момента в Приштине начинают дислоцироваться не только военные, но и гражданские международные организации: различные подразделения и комиссии УНМИК¹, а впо-

хорватские браки были весьма распространены. Например, знаменитый музыкант Горан Брегович считает себя югославом, аргументируя это тем, что его отец хорват, мать — сербка, а жена — боснийская мусульманка.

¹ Миссия Организации объединенных наций по делам временной администрации в Косово (англ. *United Nations Interim Administration Mission in Kosovo, UNMIK*, УНМИК или МООНК) — временная гражданская администрация ООН в сербском крае Косово и Метохия (до 2008 г.) и частично признанной Республике Косово, действующая на основе резолюции Совета безопасности ООН 1244.

следствии и миссия Европейского союза ЕУЛЕКС (EULEX). Под их нужды были отданы некоторые правительственные помещения в центре города, а также выстроены новые — как в центре, так и на периферии.

По всей видимости, побочным результатом войны в Косово стала вторая волна рурализации Приштины. Вот как об этом говорит моя информантка:

Трудно представить, что это вообще Приштина. После войны «деревенщины» албанцы заняли дома и квартиры сербов и албанцев, покинувших город во время войны. Население города увеличилось в три раза. После войны в Приштине поселились люди, которые не понимают и не ценят культуру и искусство (М.Я., жен., албанка, род. в Приштине в 1942 г., зап. там же, сентябрь 2014 г., пер. с албанского мой. — Д.Е.).

В семиосфере города также произошли кардинальные перемены: 2 ноября 1999 г. на заседании Коммуны Приштина на обсуждение был вынесен новый список городских топонимов, опубликованный 4 ноября новостным агентством “Kosovapress”, для того чтобы любой желающий до 15 ноября мог внести свои предложения. В результате произошла очередная перекодировка городского пространства, продолжающаяся до сих пор: названия улиц стали носить имена деятелей албанской культуры, науки и истории (Скандербег, Э. Чабей, Г. Фишта), ученых-албанистов (Н. Йокль, М. Шуффляй, Й.-Г. фон Хан), бойцов УЧК (А. Яшари, А. Рамадани и др.), а также политических деятелей США и Великобритании, поддержавших борьбу Косово за независимость (Б. Клинтон, Дж. Буш и др.). Центральная улица из Видовданской была переименована в бульвар Матери Терезы и сделана пешеходной. Вместо сербских памятников появились монументы тому же Скандербегу, Матери Терезе, первому президенту Косово И. Ругове. Иными словами, произошел символический акт освобождения от навязываемой (сербской) в пользу конструируемой в настоящее время (албанско-косовской) истории, поскольку прошлое — неотъемлемый и базовый компонент официальной культуры и способ легитимизации существующего социального и морального порядка.

Как убедительно показывает М. Азарьяху на примере городов Германии, история (прошлое), являясь конструктом, производится современными акторами в пространстве настоящего, и, что важно, именно они выбирают героев и антигероев [Azaryahu 1990: 32–33]. Чтобы стать частью социальной действительности, определенной версии прошлого необходимо войти в существующую семиосферу, и закрепление ее в названиях улиц — один из самых подходящих способов. Однако в новом город-

ском тексте антигероям (маршалу Тито, С. Милошевичу) не находится места, хронологической перспективы также не существует: все героические события (с эпохи легендарных владетелей до времени недавних происшествий) входят в общий исторический контекст, в котором нет «раньше» и «позже» [Azaryahu 1990: 33–34].

«Самая молодая европейская столица»: Приштина после 2008 г.

После провозглашения 17 февраля 2008 г. независимости от Сербии (в одностороннем порядке), поддержанной западными союзниками Косово, Приштина стала «самой молодой европейской столицей». Этот эпитет, сразу же подхваченный и растиражированный местными и иностранными журналистами, лучше других отражает урбанизационные процессы, протекающие в городе. Во-первых, уже сейчас видны результаты первых проектов по преобразованию Приштины в современный столичный город. Строятся магистрали и дорожные развязки, происходит реорганизация городского пространства с учетом гуманизации (бульвар Матери Терезы сделан пешеходной зоной, разбиты новые скверы, появились новые площади), возводятся офисные здания. Меняется и внешний облик центра: бетонные постройки югославского периода закрываются металлическими и стеклянными панелями, под открытым небом появляются новые арт-объекты (например, композиция “Newborn”). Во-вторых, очевидна не только экономическая, но и культурная ориентация на Запад, импульс к которой исходит от властей. Реализуются проекты по поддержанию во многом навязанного Европой образа мультикультурного и толерантного Косово (так, в настоящее время приводится в порядок оскверненное православное кладбище), построен католический собор Матери Терезы, поражающий всех своей неоправданной величиной, открываются загородные торгово-развлекательные центры и т.д.

Все современные проекты, как в свое время и югославские, затрагивают в основном южную часть Приштины, хотя фешенебельные районы с частной застройкой появляются и на востоке и западе города. Тем не менее до сих пор очевидна существенная поляризация между южной («югославско-европейской») и северной («османско-ориентальной») частями и их жителями: бросается в глаза разница в культуре мест общественного питания, в манере одеваться и проводить свободное время, несмотря на то что абсолютное большинство жителей в обеих частях города — этнические албанцы.

По моему мнению, показательны также различия и в звуковом ландшафте. Южную часть города ежечасно буквально оглуша-

ют колокола нового кафедрального собора Матери Терезы, а в кафе звучит современная европейская и местная клубная музыка. Север же пять раз в день наполняется звуками азана (в то время как в южной части города пока нет ни одной мечети), а из многочисленных ресторанов быстрого питания доносятся традиционные мелодии и песни в стиле турбо-фолка.

Безусловно, корреляция между местом жительства человека и его образом жизни не является однозначной, тем не менее общая тенденция такова. Как представляется, это связано, прежде всего, с различным типом урбанизации севера и юга. На место сербов, массово покинувших город в 1999 г., приехали албанцы — в основном из сельской местности, что, по мнению старожилов, уже оказало негативное влияние на социокультурный ландшафт столицы. Однако на уровне повседневных практик север все еще предстает намного более руральным, нежели юг. Островки старой городской культуры (например, традиция мужской социализации в чайных после посещения мечети или повседневное общение на турецком языке) отчасти сохраняется в северной части старой чаршии.

Северная часть Приштины к тому же становится пристанищем активизирующегося в настоящее время на Балканах движения по «вторичной исламизации» (реисламизации): в новых условиях постсоциалистической реабилитации религии в балканских странах (прежде всего, Албании и частей бывшей СФРЮ — Боснии, Македонии, Косово) на смену традиционному и умеренному османскому приходит арабский и современный турецкий ислам. На уровне городского ландшафта это заметно, прежде всего, в финансировании строительства новых и реставрации старых мечетей. Так, при участии организации Аль-Вақф Аль-Ислями (Al-Waqf Al-Islami) в самом сердце северной части города была выстроена трехэтажная мечеть Хатунийе (алб. *Xhamia Hatunije*), а сохранившиеся мечети XV–XVIII вв. в центре Приштины реставрируются турецкой организацией ТИКА (ТІКА, тур. *Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığı*, Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию). Специалисты считают, что политика обеих организаций направлена на установление культурного и религиозного влияния на мусульман Юго-Восточной Европы: Аль-Вақф Аль-Ислями якобы поддерживается радикальными мусульманами-салафитами из Саудовской Аравии¹, а ТИКА является проводником политики так называемой «мягкой силы» (soft power) Турции на Балканах. На бытовом уровне это также ста-

¹ См. отчет Центра по мониторингу радикального ислама в Юго-Восточной Европе (RIMSE): <<http://www.rimse.gr/2014/01/al-waqf-al-islami-in-balkans.html>> (посм. 4.08.2014).

новится заметным. С каждым годом в Косово увеличивается число людей, строго соблюдающих предписания ислама относительно внешнего облика: мужчины начинают отпускать бороды и носить укороченные брюки, а женщины — покрывать голову.

Две части Приштины — северная и южная — живут буквально в разных политических и социальных измерениях, что отражается как в повседневных практиках (абсолютно светская, европейская культура досуга на юге и более традиционная, ориентальная на севере), так и в экстраординарных событиях. Например, 17 мая 2014 г. в Приштине состоялась первая в истории страны акция против гомофобии и трансфобии. Колонна прошла от самого центра по бульвару Матери Терезы до монументальной композиции “Newborn” — организаторы выбрали, если так можно выразиться, «самый европейский» маршрут в городе. Другим примером является праздник по случаю окончания школы, свидетелем которого я также стал: красавицы-выпускницы в вечерних платьях с глубоким декольте подъезжали на лимузинах к отелю “Grand Hotel Prishtina” и в сопровождении своих кавалеров дефилировали по красной ковровой дорожке. Оба эти события просто невозможно представить на севере города.

Заключение

Рассмотрение города в качестве «места-нарратива» позволяет всмотреться в его архитектурный палимпсест, прислушаться к звучащим (и звучавшим) дискурсам, разделить ликование и почувствовать тревоги людей, которые его населяют.

После этой процедуры становится очевидным, что развитие культурного ландшафта Приштины во второй половине XX — начале XXI в. полностью коррелирует с процессами, происходившими в Косово (и шире — в СФРЮ и Сербии), что связано, прежде всего, с изменениями идеологического нарратива. В период Титовской Югославии ключевая идея государственной политики заключалась в емком лозунге «Братство и Единство», пропитавшим собою все: представители новой нации должны были жить бок о бок и трудиться плечом к плечу, попирая старые установки и принципы на пути к светлому будущему.

Однако «путем Тито» смогли пойти далеко не все. В городах и селах сохранялся довольно существенный процент населения, не усвоившего спускаемую сверху идеологическую доктрину и продолжавшего вести привычный образ жизни (который касался, прежде всего, способов ведения хозяйства, религиозных практик и социальных норм). В столице Косово ярким

примером такого сообщества стали жители севера города. По моему убеждению, послевоенная модель реорганизации пространства города, реализованная в 1951–1985 гг., изначально предусматривала социокультурное и в некоторой степени этническое размежевание населения, что сформировало предпосылки для еще большей разрозненности и поляризации в конце 1980-х гг. и открытого противостояния сербов и албанцев в Косово.

В тот момент север города смог предоставить необходимые ресурсы для формирования параллельных структур и институций, что послужило основанием для последующих операций, направленных на обретение независимости Косово. Сегодня тревогу вызывает то, что сторонники радикального ислама, все больше проникающего на Балканы (в Боснию и Герцеговину, Албанию, Косово, Македонию), находят последователей.

В случае Косово эта ситуация представляет несомненную угрозу, поскольку в стране одновременно действуют две политические и экономические силы. С одной стороны, Республика Косово, если описывать ситуацию словами классика, «задрав штаны», бежит за Евросоюзом и США. С другой — на глазах увеличивается число неопитов-мусульман, многие из которых получают духовное и светское образование в Турции и арабских странах и ориентируются в повседневной жизни и образе мысли исключительно на пять столпов своей религии. На данном этапе видимых социальных проблем это не создает, хотя взаимное непонимание и противоречия вовсе не исключены в будущем.

Источники

- Нушић Б.* Косово: опис земље и народа. Београд: Просвета, 1986. 308 с. (1-е изд. 1902–1903 гг.)
- [Процесс воссоединения 2014] Эксперты: процесс воссоединения Германии обошелся в €2 трлн // Информационное агентство России ТАСС. 2014, 14 мая <<http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1164951>> (просм. 25.05.2014).
- 30 vjetë të zhvillimit socialist të Prishtinës. Prishtinë: Rilindja, 1974. 46 f.
- Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Détails géographiques, topographiques et statistiques sur cet Empire. Vienne: Carl Gerold's Sohn, 1854. Т. 1. 353 p.
- Dankoff R., Elsie R.* (ed.). Evliya Çelebi in Albania and Adjacent Regions (Kosovo, Montenegro, Ohrid). Leiden: BRILL, 2000. 308 p.
- Frashëri S.* Vepra. Prishtinë: Rilindja, 1984. Vëll. 7. 186 f.
- Hahn von J.-G.* Reise von Belgrad nach Salonik, nebst vier Abhandlungen zur alten Geschichte des Morawagebietes. Wien: Tendler, 1868. 270 S.
- Mekuli E., Ćukić D.* Priština. Београд: Београдски граfiĉki завод, 1965. 84 с. Prishtina 1944–1974: Tridhjetë vjet në liri // Ulpijana. 1974. Nr. 9. (Viti 6). 24 f.

Библиография

- Косово: Некад и данас / Уред. М. Малетић. Београд: Економска политика, 1973. 1024 с.
- Мартинова М.Ю.* Этнический фактор в судьбе Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев; предисл. Р.С. Гринберг. СПб.: Алетейя, 2013. С. 82–135.
- Милерюс Н.* Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // Р.С. Ландшафты: оптики городских исследований / Отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: Европ. гуманит. ун-т, 2008. С. 37–61.
- Соболев А.Н.* Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013. Т. 1: Номо balcanicus и его пространство. 263 с.
- Тодић-Вулићевић Р.* Приштина, приштевци и време. Нови Сад: Матица српска, 1999. 161 с.
- Тодоров Н.* Балканският град XV–XIX век: Социално-икономическо и демографско развитие. София: НИ, 1972. 504 с.
- Томчин А.Б.* Германия и немцы. О чем молчат путеводители. М.: РИПОЛ классик, 2013. 414 с.
- Abu-Lughod J.L.* Race, Space, and Riots in Chicago, New York, and Los Angeles. Oxford: Oxford University Press, 2007. 344 p.
- Azaryahu M.* Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947 // History and Memory. 1990. Vol. 2. No. 2. P. 32–53.
- Borneman J.* After the Wall: East Meets West in the New Berlin. N.Y.: Basic Books, 1991. 256 p.
- Broadbent P., Hake S.* Berlin: Divided City, 1945–1989. Oxford: Berghahn Books, 2012. 222 p.
- Burgan M.* The Berlin Wall: A Barrier to Freedom. Minneapolis: Compass Point Books, 2008. 96 p.
- Goode J., Schneider J.A.* Reshaping Ethnic and Racial Relations in Philadelphia: Immigrants in a Divided City. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 296 p.
- Elkins D., Elkins T.H., Hofmeister B.* Berlin: The Spatial Structure of a Divided City. L.; N.Y.: Methuen, 1988. 296 p.
- Gaffikin F., Morrissey M.* Planning in Divided Cities: Collaborative Shaping of Contested Space. Oxford: Wiley-Blackwell Publishing Ltd., 2011. 325 p.
- Hoxha E.* Qyteti dhe dashuria: Ditar urban. Prishtinë: QSH “Gani Bobi”, 2012. 306 f.
- Janev G.* Narrating the Nation, Narrating the City // Cultural Analysis. 2011. No. 10. P. 3–21.
- Koinova M.* Ethnonationalist Conflict in Postcommunist States. Varieties of Governance in Bulgaria, Macedonia, and Kosovo. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 314 p.

- Kostovicova D.* Kosovo: The Politics of Identity and Space. L.; N.Y.: Routledge, 2005. 322 p.
- Malcolm N.* Kosovo: A Short History. L.: PAN Books, 2002. 492 p.
- Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Thrift N., Tuan Y.-F.* Space and Spatiality in Theory // Dialogues in Human Geography. 2012. No. 2. P. 3–22.
- Naegle J.* Mostar: A Tale of Two Cities // RFE/RL Balkan Report. 2000. Vol. 3. No. 90. <<http://www.rferl.mobi/a/1341268.html>> (просм. 22.03.2015).
- Namani Q.* Hebnjtë në Kosovë // Vjetar. Prishtinë: Arkivi i Kosovës, 2007. Vëll. 37–38. F. 89–112.
- Prlinčević Ć.* Jevreji na Kosovu do 1941 godine: Magistarski rad. Priština, 1985. 132 s.
- Prlinčević Ć.* Nacionalno-socijalni položaj Jevreja na Kosovu do 1941 godine // Glasnik Muzeja Kosova. Priština, 1988. Br. 15–16. (1987–1988). S. 122–140.
- Roshan Samara T.* Cape Town after Apartheid: Crime and Governance in the Divided City. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011. 272 p.
- Sarkar M.* Difference in Memory // Comparative Studies in Society and History. 2006. No. 1. P. 139–168.
- Schwandner-Sievers S.* Invisible — Inaudible: Albanian Memories of Socialism after the War in Kosovo // Post-Communist Nostalgia / Ed. by M. Todorova, Z. Gille. Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2010. P. 96–112.
- Shaw E.* A Tale of Three Cities: Considering Divided Cities in the Former Yugoslavia // Center for Slavic and East European Studies Newsletter (University of California, Berkeley). 2003. Vol. 20. No. 2. P. 7–11.
- Simon S.* Translating Montreal: Episodes in the Life of a Divided City. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. 296 p.

Pristina as a Divided City

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
 University emb. 3, St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

This paper negotiates the transformations in urban space of Pristina (Kosovo / Serbia) from 1951–1985 and their ensuing aftermath. The main analysis focuses on changes in the cultural landscape and their role in creating and maintaining ideological discourses during different periods of the 20th and 21st centuries. As a hypothesis,

I propose the idea that the large-scaled reorganisation of the urban public space that took place from 1951–1985 resulted in cultural division of the city (the opposition between the western and the developed southern and central districts versus the oriental and, later on, ruralised northern area of the city). Public and private spaces in the southern and central districts of Pristina were fully included in the process of Socialist urbanization. It was there that the main Yugoslav slogan “Brotherhood and Unity” was successively realized by means of architecture and urban planning. The newly built theatre, library, university, stadium, gym, schools, hospitals, department stores, etc. could be regarded as instruments of social control that functioned to synchronise public activity. At the same time, such large-scale urban projects were never realized in the northern part of the city, which remained in many ways oriental. Moreover, I claim that Pristina’s divided nature has added to the ethnic tensions between Serbs and Albanians, which led to the mass protest actions and war in Kosovo, since the northern districts were initially used as a reliable platform for parallel structures of education and health-care after 1990.

Keywords: Pristina, Kosovo, Serbia, Yugoslavia, divided city, narrative space, cultural landscape, multi-ethnicity, ethnic tension, ethnic nationalism.

References

- Abu-Lughod J. L., *Race, Space, and Riots in Chicago, New York, and Los Angeles*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 344 pp.
- Azaryahu M., ‘Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947’, *History and Memory*, 1990, vol. 2, no. 2, pp. 32–53.
- Borneman J., *After the Wall: East Meets West in the New Berlin*. New York: Basic Books, 1991. 256 pp.
- Broadbent P., Hake S., *Berlin: Divided City, 1945–1989*. Oxford: Berghahn Books, 2012. 222 pp.
- Burgan M., *The Berlin Wall: A Barrier to Freedom*. Minneapolis: Compass Point Books, 2008. 96 pp.
- Goode J., Schneider J. A., *Reshaping Ethnic and Racial Relations in Philadelphia: Immigrants in a Divided City*. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 296 pp.
- Elkins D., Elkins T. H., Hofmeister B., *Berlin: The Spatial Structure of a Divided City*. London; New York: Methuen, 1988. 296 pp.
- Gaffikin F., Morrissey M., *Planning in Divided Cities: Collaborative Shaping of Contested Space*. Oxford: Wiley-Blackwell Publishing Ltd., 2011. 325 pp.
- Hoxha E., *Qyteti dhe dashuria: Ditar urban* [City and Love: Urban Diary]. Pristina: QSH “Gani Bobi”, 2012. 306 pp. (In Albanian).

- Janev G., 'Narrating the Nation, Narrating the City', *Cultural Analysis*, 2011, no. 10, pp. 3–21.
- Koinova M., *Ethnonationalist Conflict in Postcommunist States. Varieties of Governance in Bulgaria, Macedonia, and Kosovo*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 314 pp.
- Kostovicova D., *Kosovo: The Politics of Identity and Space*. London; New York: Routledge, 2005. 322 pp.
- Malcolm N., *Kosovo: A Short History*. London: PAN Books, 2002. 492 pp.
- Maletić M. (ed.), *Kosovo: Nekad i danas* [Kosovo: Then and Now]. Belgrade: Ekonomska politika, 1973. 1024 pp. (In Serbian).
- Martynova M. Yu., 'Etnicheskiy faktor v sudbe Kosovo' [The Ethnic Factor in the Fate of Kosovo], Romanenko S. A., Shmelev B. A. (eds.), *Kosovo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kosovo: Past, Present, Future]. St Petersburg: Aleteya, 2013. Pp. 82–135. (In Russian).
- Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Thrift N., Tuan Y.-F., 'Space and Spatiality in Theory', *Dialogues in Human Geography*, 2012, no. 2, pp. 3–22.
- Milerius N., 'Sinkhronizatsiya i desinkhronizatsiya nastoyashchego i proshlogo na sovetском i postsovetском prostranstvakh' [Synchronisation and Desynchronisation of Present and Past in the Soviet and Post-Soviet Space], Milerius N., Cope B. (eds.), *P.S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniy* [P.S. Landscapes: Optics of Urban Studies]. Vilnius: European Humanities University Press, 2008. Pp. 37–61. (In Russian).
- Naegele J., 'Mostar: A Tale of Two Cities', *RFE/RL Balkan Report*, 2000, vol. 3, no. 90. <<http://www.rferl.mobi/a/1341268.html>>.
- Namani Q., 'Hebrenjtë në Kosovë' [Jews in Kosovo], *Vjetar*, 2007, vol. 37–38, pp. 89–112. (In Albanian).
- Prlinčević Č., *Jevreji na Kosovu do 1941 godine* [Jews in Kosovo before 1941]: MA Thesis. Pristina, 1985. 132 pp. (In Serbian).
- Prlinčević Č., 'Nacionalno-socijalni položaj Jevreja na Kosovu do 1941 godine' [National and Social Situation of Jews in Kosovo before 1941], *Glasnik Muzeja Kosova*, 1988, vol. 15–16 (1987–1988), pp. 122–140. (In Serbian).
- Roshan S. T., *Cape Town after Apartheid: Crime and Governance in the Divided City*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011. 272 pp.
- Sarkar M., 'Difference in Memory', *Comparative Studies in Society and History*, 2006, no. 1, pp. 139–168.
- Schwandner-Sievers S., 'Invisible — Inaudible: Albanian Memories of Socialism after the War in Kosovo', Todorova M., Gille Z. (eds.), *Post-Communist Nostalgia*. Oxford; New York: Berghahn Books, 2010. Pp. 96–112.
- Shaw E., 'A Tale of Three Cities: Considering Divided Cities in the Former Yugoslavia', *Center for Slavic and East European Studies Newsletter* (University of California, Berkeley), 2003, vol. 20, no. 2, pp. 7–11.
- Simon S., *Translating Montreal: Episodes in the Life of a Divided City*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. 296 pp.

- Sobolev A. N., *Osnovy lingvokulturnoy antropogeografii Balkanskogo poluoostrova* [The Fundamental Lingua-Cultural Anthropological Geography of the Balkan Peninsula]. St Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner, 2013, vol. 1: 'Homo balcanicus i ego prostranstvo' [Homo Balcanicus and His Space]. 263 pp. (In Russian).
- Todić-Vulićević R., *Prishtina, prishtevtsi i vreme* [Pristina, Prishtevci, and Time]. Novi Sad: Matica srpska, 1999. 161 pp. (In Serbian).
- Todorov N., *Balkanskiyat grad XV–XIX vek: Sotsialno-ikonomichesko i demografsko razvitiie* [The Balkan City in the 15–19th centuries: Socio-economic and Demographic Development]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1972. 504 pp. (In Bulgarian).
- Tomchin A. B., *Germaniya i nemtsy. O chem molchat putevoditeli* [Germany and Germans. What the Travel Guides Won't Tell You]. Moscow: RIPOL Klassik, 2013. 414 pp. (In Russian).